

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета о диссертации Вэй И на тему: «Синонимические ряды русских прилагательных, характеризующих свойства личности: функционально-семантический и лексикографический аспекты», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Среди множества весьма интересных, актуальных, оригинальных кандидатских диссертаций, которые защищаются в стенах СПбГУ (и не только), представленная к защите работа, выполненная Вэй И, во многих отношениях особенно примечательна.

На первый взгляд изученная-переизученная тема лексической синонимии предстает здесь в своей чистой (если можно так выразиться), сугубо лингвистической, проблемной полноте и (даже!) красоте. Становится ясно, что язык по-прежнему задает исследователю множество занимательных задач, которые при кажущейся очевидности совсем не просто решить, особенно – когда сталкиваешься с конкретным речевым материалом, впитывающим в себя неустанно развивающийся социум. К тому же если этот материал – в содержательном плане – вербальная саморефлексия человека относительно собственных «личностных свойств», как это сформулировано в теме диссертации.

Вообще выражение самого себя в разные эпохи даётся человеку лексически разнообразно и невероятно творчески. Прилагательные, отобранные Вэй И для анализа, категориально схватывающие самые яркие, часто нестатичные, плавающие содержательные характеристики человека, тем более интересны. Еще и потому, что порой перебираясь в стан имен существительных, они вносят в этот «стан» некоторую сумятицу, оставляя за собой право обозначать человека по текущему признаку (*дорогой, молодой, хваткой* и под.). Как кажется, есть в этой группе лексики явные константы (типа *добрый, умелый, ловкий, хитрый* и под.), однако во времени и в разных социальных стратах они могут иметь весьма несовпадающие, а порой и

противоположные, значения. Как следствие, и их дериваты (*добряк, умелец, ловкач, хитрец*) начинают содержательно балансировать и очень зависеть от контекста. Потому лексикографическая их фиксация – сложная и не всегда однозначно задача, в связи с чем лексикографический аспект темы, заявленный в диссертации, также весьма уместен и вполне логичен.

Все эти рассуждения и лексико-семантические перипетии в группе прилагательных, отражающих личностные свойства, предстают в рецензируемой работе содержательно объемно и явно с богатой исследовательской перспективой.

Словом, формулировка темы, ее, с одной стороны, традиционная лингвистическая добротность и, с другой, – потенциальная многоаспектность, свидетельствуют о **новизне** выполненного исследования, которая, на мой взгляд, кроется прежде всего в попытке проследить динамику вербальной саморефлексии человека в его естественном желании выразить через слово свою многообразную внутреннюю и внешнюю жизнь. Повторюсь, это большая общетеоретическая проблема, которая ждет своего всестороннего разрешения, и, думается, одна из попыток (забегая вперед скажу – удачных попыток) – перед нами. Поэтому **теоретическая значимость** этой диссертации для меня также бесспорна.

Немаловажно отметить и то, что для Вэй И, будущего преподавателя русского языка в иноязычной аудитории, решаемые здесь вопросы чрезвычайно полезны и ответы на них, без всякого сомнения, пригодятся в её будущей профессиональной работе. Словом, хочется всячески приветствовать эту тему – настолько она по-хорошему традиционна, методически точна и профессионально практична. А в своей функционально-семантической формулировке еще и **безусловно актуальна**.

Хороша и сторга первая глава (особенно – часть 1.1), в которой дается очень грамотное, логичное и содержательно точное, без излишеств, описание различных подходов к определению синонимии. Примечательно, что для этого, в общем, реферативного изложения имеющихся точек зрения

избирается не хронологический (что часто бывает), а проблемный взгляд на само явление лингвистической (лексической) синонимии. Причем отрадно, что общетеоретические положения, коих в этой главе ожидаемо много, нередко и очень уместно преломляются в решение конкретных задач, стоящих перед диссертантом. От этого разноаспектные суждения о *синонимии вообще* приобретают вполне предметный нацеленный характер (см., напр., на с. 19 размышления соискателя о стилистически неравнозначных прилагательных *коммуникабельный, свойский*). Сразу понятно, что перед нами не столько описание (ради полноты описания) имеющихся в науке подходов к изучению синонимии, сколько – добротный, хорошо обдуманый анализ этих подходов – с точной установкой на решениесугубо своих целей и задач.

Практическая глава, тем не менее, вызывает вопросы и даже некоторые сомнения, что часто случается при знакомстве с работами, посвященными проблемам семантики языкового знака. Должна сразу сказать, что мои дальнейшие суждения – всего лишь приглашение к разговору на большую интересную тему по ряду существенных, на мой взгляд, вопросов, возможно, способное прояснить, уточнить, навести на резкость уже сделанное и сделанное, повторюсь, очень добротно.

Первое и главное. Само именование этой группы – «свойство человека» – очень широкое; во введении диссертант обоснованно заявляет, что воспринимает его в качестве «родового термина» (а термин ли это? – с. 4) и далее, опредмечивая свой материал, Вэй И почему-то опирается на определение «свойств личности», бытующее в психологии («Гипотетические базовые диспозиции или характеристики личности, которые в принципе могут использоваться в качестве объяснений постоянства и последовательности поведения» – с. 4). Скажу прямо, это (специальное) определение объема понятия «свойство личности» мало что проясняет, потому, к радости читателя, диссертант тут же дает свое объяснение, сформулированное вполне понятным языком: это «черты характера,

особенности темперамента человека, отдельные черты поведения» (с. 4). Однако и в этом объяснении многое туманно, например, «отдельные черты поведения». Какие именно? Почему какие-то «отдельные черты» будут входить в состав номинаций свойств личности, а другие нет, — каков критерий? Так вот практическая глава – вся – есть большой ответ на эти вопросы. Отрадно, что в ней сразу задается строгий алгоритм действий, отчасти снимающий некоторую зыбкость в понимании путей отбора лексем в заявленную тематическую группу синонимов-прилагательных. И все же. В начале практической главы заявляется: «Критерием для отбора языкового материала в данном исследовании послужила психологическая классификация свойств личности, в основе которой лежит пятифакторная модель личности, включающая в себя такие группы, как «экстраверсия», «привязанность», «нейротизм», «саморегуляция» и «открытость к новому опыту» (с. 66). Диссертант не указывает здесь, кому принадлежит эта классификация (нет ссылки), остается лишь верить в то, что общеизвестная в психологической науке пятифакторная модель личности предполагает именно такое представление о свойствах личности. Но дело даже не в этом. Если в отборе лексем диссертант опирается на психологическую модель личности, следовательно, в исследовании присутствует междисциплинарный компонент, это следует указывать, иначе возможны противоречия. И они, как я себе это представляю, неизбежны. Например, по составу пяти выбранных рядов-синонимов, которые представлены в таблице на с. 67.

Так, второй фактор «привязанность» выражен, как полагает автор работы, прилагательными *самоотверженный, беззаветный, жертвенный*. Почему именно эти лексемы стали презентаторами такого свойства человека, как «привязанность»? Для меня это весьма сомнительный ряд, поскольку «привязанность» как существительное от «привязанный», кажется, имеет явную сему 'верность', в пределе – 'преданность'. Неслучайно в словаре С.И. Ожегова «привязанность» определяется через «преданность»: «Привязанность – чувство близости, основанное на преданности» (с. 587). То

же самое и в МАС. А «преданный» – через «привязанный» и «верный»: «Преданный – постоянный в своих чувствах, привязанности к кому-, чему-л.; верный» (МАС). Возможно, в данном случае понимание этого фактора личности в психологии вступило в противоречие с лингвистическим определением интегративной и дифференциальной сем синонимического ряда.

В дальнейшем представлении трех названных прилагательных (*самоотверженный, беззаветный, жертвенный*) в сугубо лексическом и лексикографическом аспектах у меня нет никаких возражений, Изложение дается в точном соответствии с заданным алгоритмом, о чем уже говорилось. Отмечено книжное происхождение каждого из этих прилагательных, предложена иллюстративная аргументация их сочетаемостных возможностей, даны разъяснительные комментарии для возможной фиксации их в учебном словаре синонимов для иностранных студентов. По данным анкет определены преимущественные представления современных носителей языка об активности / пассивности этих слов, об их прагматической (в частности, гендерной) привязке и т.д.

И все же более ясная, более очевидная корреляция психологического взгляда и лингвистического понимания «свойств личности», как кажется, базово необходима.

Второе. Больше рекомендательное суждение, однако требующее отдельного внимания. В рассуждениях о парах близких по значению прилагательных недостаточно внимания, на мой взгляд, уделяется стилистической принадлежности лексемы, причем системной стилистической маркировки. Так, при рассмотрении пары «контактный» – «компанейский» много и правильно говорится и об оттенках значений, вновь приводятся данные анкетирования, в которых указываются новые, еще не отмеченные в словарях семантические нюансы. Вскользь, как факт, указывается, что в словаре Ожегова (кстати, как и в МАС и БТС) имеется помета *разг.* То же говорится и о слове «компанейский» («любящий быть в

компании, общительный’). Однако степень этой разговорности, видимо, у слова «компанейский» (если можно так выразиться) выше. Об этом свидетельствует, например, различие в сочетаемостных возможностях этих прилагательных (с. 78). «Компанейский», по данным НКРЯ, свободно сочетается со стилистически сниженной, разговорной лексикой («пацан», «девчонка», «дедок» и под.), в то время как «контактный» преимущественно вступает в сочетание с нейтральными или – даже – книжными словами: «человек», «ребенок», «юноша». Очень меткие наблюдения, например, о том, что «контактный» почти не употребляется с наречиями степени, а «компанейский» себя в этом не ограничивает, так и остаются в статусе констатации факта. Однако это пища для весьма перспективных, на мой взгляд, рассуждений о том, что исходная семантика прилагательных «контактный» и «компанейский» разительно отличается, что ‘способность общаться’ и ‘любовь к компании как таковой’ – разные свойства говорящей личности, что в итоге, видимо, и накладывает на синонимы «контактный» и «компанейский» некоторые ограничения – как сочетаемостные, так и стилистические.

Третье. Думается, что указание на происхождение (заимствованное и исконно русское (или общеславянское)) того или иного прилагательного, особенно рассматриваемого в парах, также помогло бы в наблюдении за его «синонимическим поведением». Так, важное качество иноязычного слова, а именно – в силу исходно затемненной внутренней формы постоянную его готовность выступать в качестве гиперонима, можно было бы использовать в рассуждениях о том, почему, например, «общительный» и «коммуникабельный» могут быть взаимозаменяемы и почему, по данным носителей языка, в бизнес-среде предпочтителен «коммуникабельный», а в дружеском, неофициальном кругу – «общительный» (с. 75).

Четвертое. И последнее. Самое «техническое». Представляется, что 3 положение, выносимое на защиту (о содержании опросных анкет), имеет весьма утилитарное, инструментальное значение и в положениях выглядит

несколько неуместно. На с. 59, как кажется, дается не очень корректный заголовок «Изучение свойств личности в лингвистике». Конечно, лингвистика никогда не изучала свойства личности. При этом безусловно и то, что ряд лингвистических исследований посвящен рассмотрению вербальных способов выражения понятия или представления о свойствах личности человека. Та же стилистическая неловкость неоднократно повторяется в работе, видимо, из желания выразиться лаконичнее (на с. 65, например: «исследования, посвященные анализу свойств личности»).


И все-таки следует отметить, что эту практическую часть отличает строгость и пошаговая последовательность в методике анализа по однажды заданному алгоритму. При всех возникших вопросах и возможных критических суждениях о содержимом главы, совершенно очевидно, что такой по-хорошему упорный стандартизированный анализ значительно повышает доказательность и аргументированность представленных в конце практической главы, да и работы в целом, выводов.

Учитывая сказанное, констатирую, что диссертация **Вэй И** на тему: «Синонимические ряды русских прилагательных, характеризующих свойства личности: функционально-семантический и лексикографический аспекты», соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель **Вэй И** заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не обнаружены.

Член диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка СПбГУ

 Т.С. Садова

22 сентября 2023 г.